

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Куколка
для монстра**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.
ПЗ7 Куколка для монстра / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-04-183103-5

Автокатастрофа, больничная палата и... полная потеря памяти. Неужели это я в своем прошлом убила двоих людей? Почему мне сделали пластическую операцию? Насильно избавили от неродившегося ребенка? И чего хочет этот человек из спецслужбы, расчетливый и беспощадный? Что ж... Она станет запрограммированной машиной провокации и убийства. Но она все вспомнит, и тогда — берегитесь! Она обретет свободу. Но может быть, это только иллюзия?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183103-5

© **Виктория Платова, текст, 2017**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

После комы
День третий

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Я никогда не видела этих лиц. Так же как и лица человека, который показывает мне одни и те же фотографии — их ровно одиннадцать (какое облегчение — в прошлой жизни, которая навсегда отрезана от меня, я умела считать, во всяком случае, до одиннадцати). Но ни одна из этих фотографий ничего не говорит мне...

Впрочем, на меня нельзя положиться.

Я не могу опознать даже себя.

Кто я?..

После комы
День пятый

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Женщина на фотографиях мертва. Короткие черные волосы, такая же черная кровь, которая залила ей лицо. Лицо чересчур спокойное для автокатастрофы. Лицо чересчур красивое, чтобы быть настоящим.

Мужчина на фотографиях жив. Он похож на ласку. Или на хорька — из тех, что отираются на плечах занюханных хиппи (откуда я знаю о занюханных хиппи?). Откуда я знаю, что существуют ласки и хорьки и что мужчина, изображенный на снимках, похож именно на них, а не на гризли или опоссума? Я занималась зоологией? Или случайно посмотрела видовой фильм, сидя на кухне и перебирая подгнившие яблоки?..

Если я знаю, что такое «кухня» и что такое «подгнившие яблоки», то почему, черт возьми, я не знаю, кто такая я сама?!

Мужчина на фотографиях, должно быть, знал. Но он погиб в катастрофе, так же как и женщина с короткими черными волосами. Возможно, все другие, знавшие меня, умерли еще раньше, или так же потеряли память, или эмигрировали из страны — ко мне никто не приходит. Никто, кроме этого парня с фотографиями. Фотографии одни и те же — человек, похожий на ласку.

Два снимка вызывают во мне глухой протест (откуда я знаю, что такое «протест?»); еще три — здоровый скепсис (откуда я знаю, что такое «скепсис?»). И только на одном, любительском, — без дешевой вспышки — ласка так хороша, что я, не раздумывая, переспала бы с ней.

Переспать. Как мило. Кажется, я знаю, что такое «переспать», но это знание не касается меня, как и все остальные знания.

Я знаю, что где-то должен быть Бог, и вот он уж действительно не похож ни на хорька, ни на опоссума.

Я даже знаю, что существуют два вида гильотин — один для подрезки сигар, а другой — для головы Марии-Антуанетты. Бог существовал задолго до Марии-Антуанетты, он наверняка видел, как ее голова скатилась в корзину...

Кто я?..

После комы *День седьмой*

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Была ли я любовницей мужчины? Была ли я другой женщины? Была ли я их случайной попутчицей, севшей в машину за пятнадцать минут до катастрофы или за двадцать минут до мокрого снега (в ту ночь шел мокрый снег, слава богу, я знаю, что такое «снег»)? *Была* ли я причиной катастрофы или ее следствием? Кстати, он говорит, что следствие все еще идет, — этот парень, который приносит мне одни и те же фотографии. У меня даже сняли отпечатки — теперь все десять пальцев, включая мизинцы, могут смело фигурировать в суде. Но у меня стопроцентное алиби, если двухмесячную кому и следующую за этим амнезию можно считать алиби.

Мне не хочется расстраивать его, мне не хочется говорить ему, что как раз алиби у меня нет... Иначе я никогда не была бы осуждена. А я осуждена и отбываю наказание в одиночной камере своего беспомыслия.

ВИКТОРИЯ ПЛАНОВА

...Сегодня дежурная сестра принесла цветы.

Сегодня я опять не вспомнила ничего, кроме названия цветов, — *гвоздики*... Я даже не знаю, нравились ли мне гвоздики, когда я была собой и все знала о себе. Мне *нынешней* они не нравятся. Но я ничего не сказала сестре — она так добра ко мне. Ее зовут Анастасия... А как зовут меня?

Кто я?..

Часть первая

АННА

... — У вас появился поклонник? — Это была ревнивая заинтересованность оперативного работника, не больше. Он даже не пытался скрыть ее, этот мой постоянный утренний собеседник. Вот и теперь он рассматривал уже успевшие мумифицироваться лепестки ничего не значащих, с точки зрения улики, цветов, недостающего звена, вытянув которое он наконец-то загонит меня в угол... Все эти восемь дней — с тех пор как я пришла в себя, очнулась в логове капельниц — он пытался загнать меня в угол. Все для него было блефом — и мое беспамятство, и гвоздики, принесенные молоденькой медсестрой.

Если бы из-под его дешевого свитера так настойчиво не лезли бы милицейские погоны (почему-то мне казалось, что он лейтенантишка-неудачник, не больше, — такие ретивые типы редко дослуживаются даже до майора), я бы обязательно ответила ему расплывчато-кокетливым тоном: «Да, поклонник, почему нет, в этой образцово-показательной клинике самый широкий спектр поклонников — от ведущего нейрохирурга с самым рас пространенным грузинским отчеством до чемпиона

Европы по греко-римской борьбе, который зализывает здесь последствия черепно-мозговой травмы...»

Но эти невидимые погоны (я надеялась не увидеть их никогда) так раздражали меня, что я сказала просто:

— Не стоит обольщаться на мой счет. Это всего лишь дежурная медсестра. Надеюсь, что ее невинный жест не будет преследоваться в судебном порядке.

Он хмуро посмотрел на меня:

— «Невинный жест», надо же! Для только что вышедшей из комы дамочки вы неплохо справляетесь с речью. А как насчет всего остального?

Я уже знала, что такое *все остальное*, — чертовы одиннадцать фотографий, которые он через минуту бросит мне на одеяло. Я знала и все равно ждала их — и это было единственным, чего я по-настоящему ждала. Может быть, я наконец-то увижу что-нибудь новое на зернистом, плохо пропечатанном заднем плане — что-нибудь, что поможет мне вспомнить этого человека, а вместе с ним — и себя...

Но мой лейтенантишка-неудачник не торопился с очередной экскурсией по фотографическому глянцу.

— А зачем она принесла вам цветы?

— Не знаю. Думаю, просто так. Кто вы по званию?

Он коснулся жестких полуживых лепестков такими же жесткими пальцами, машинально оборвав один из них, — и я вдруг подумала о том, что в детстве, с тем же машинальным наслаждением, он обрывал крылья бабочек... Наверняка в его детстве были бабочки. О себе я ничего не могла сказать наверняка.